

богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол.»

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли!» — сказала она; «ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава богу, живем по-маленьку. Одна беда: Маша; девка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!) с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек, а то сиди себе в девках вековой невестой.» — Я взглянул на Марью Ивановну: она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор. Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы. «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузьмич. — Мне так сказывали в Оренбурге, — отвечал я. «Пустяки!» — сказал комендант. «У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню.» — И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям? — «Привычка, мой батюшка», — отвечала она. «Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи господи как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут.»